EH171
P 619

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
EH171
P 619

ЕН171
Р 619

РЕЧЬ

ТОВ. ТРОЦКОГО

на объединенном заседании В. Ц. И. К.
7 ноября 1919 г.

52—3

К.

ЕН171
Р619

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

(1201/26)

12193

31/3/3 / 26 с1.

1063143

Петербургскому пролетариату на память об октябрьских днях 1917—1919 годов посвящаю

Л. Троцкий.

Речь тов. Троцкого,

произнесенная на об'единенном заседании В. Ц. И. К. 7-го ноября с. г.

Каменев. Слово принадлежит т. Троцкому.

Троцкий (встречен аплодисментами). Товарищи. Позвольте начать с сообщения, которое только что пришло к нам из Петербурга от т. Зиновьева: 7-я армия вместе с соседней 15 армией—эти две армии, которые ведут борьбу против белых банд Юденича—успешно продвигаясь вперед, передали в наши руки единственный в сущности город, который служил опорным пунктом Юденичу,—город *Гдов*. Если вспомните, товарищи, что недели 4 тому назад наше военное положение не только казалось, но и было весьма угрожающим, то можно сказать, что за последний месяц красная армия на всех фронтах сделала большие успехи.

Как раз к юбилейному нашему празднику, вчера и сегодня, красная армия вернула нам Чернигов, Севск и Гдов.

На важнейшем фронте, на Южном, мы еще не сделали главного дела, мы еще не сокрушили основного ядра деникинских войск, но мы уже сильно ущемили это ядро. Наступления противника более нет, если не считать отдельного продвижения на небольших участках; наоборот, отступление

Деникина совершается на огромном протяжении, и о причинах этого, с естественной и законной тревогой, спрашивает себя англо-французская печать. Что стало с Деникиным? спрашивает себя английский и американский радио, кто его, так сказать, сглазил,—этого победоносного недавно Деникина? Они кое-чему научились в течение этих двух лет, эти господа, они видали, как Колчак, который был уже почти миропомазан всеми биржевиками и ростовщиками обоих полушарий, как этот Колчак, протягивавший руку к Москве, великолепно откатывается на восток и, по имеющимся у нас известиям, резиденцию свою перенес из Омска в Иркутск,—ближе к своим собратьям биржевикам Токио и Нью-Иорка.

Хороши наши дела и на Северо-Западе. Как раз у порога второй советской годовщины разразился удар из того угла, откуда мы как бы перестали ждать удара,—я говорю о северо-западной армии, армии Юденича, которого товарищ Демьян Бедный, с основанием ли или без основания, считает потомком Иуды. У Юденича почти не было тыла, этим он был слабее двух других кандидатов: Колчака и Деникина. Но у него была обильная помощь Антанты, он был наиболее близок, наиболее доступен с моря, он опирался на вновь образовавшиеся Прибалтийские страны. После своего майского наступления Юденич был нами отбит,—отбит, но не добит. В тиши, на эстонской территории, при поддержке в первую голову Англии, он восстановил свои силы и начал наступление. Работа у нас шла в высшей степени напряженная, мы были заняты Деникиным и вынуждены были, чтобы охранять пути на Тулу и Москву, ослабить 7-ю Петербургскую армию. Как раз к тому моменту, когда на юге наши дела стали лучше и непосредственная

опасность Туле и Москве миновала, разразился удар Ямбурга на Петербург. Дело было поставлено так, что к вопросу о Петербурге как бы приковались все надежды, аппетиты и вожделения всех наших врагов. Как бы к этому вопросу приковался вопрос о судьбе Советской власти. На самом деле это не так, и сейчас, когда опасность Петербургу миновала, мы можем с уверенностью сказать, что, еслибы мы даже временно сдали Петербург, мы бы, конечно, не погибли. Но буржуазные классы всех стран, которые боролись с нами в течение двух лет и с нетерпением дожидались нашего падения, они—в тот момент, когда им показалось, что Петербург будет в их руках—сказали себе: это начало гибели Советской власти—от Петербурга путь недалек на Москву. Они так много связали с походом на Петербург, так сильно приковали к этому походу внимание всего мира, что наша удача явилась для них подлинной катастрофой.

У меня под руками имеются интересные и поучительные свидетельства буржуазной, главным образом, скандинавской печати, и из этих свидетельств видно, как тщательно подготовлялся и с материальной и с идейной стороны—если могут быть названы идеями слова лжи, травли, клеветы,—как тщательно подготовлялся последний поход Юденича. Финляндская буржуазная газета в номере от 15 октября рассказывает о том, как долго и тщательно подготовлялся поход на Петербург, как велика была уверенность в успехе. Они мобилизовали все, что могли мобилизовать: эстонские и ингерманландские части, английский флот, армию Юденича, подкрепив его отборным батальоном „светлейшего князя“ Ливена, как он именуется в приказах, а также и части, снятые с Архангельского фронта. Все эти отборные в своем роде части: во многих во главе каждого

звена стоит офицер, т.-е. на семь-восемь человек солдат один офицер, при каждом шаге солдата назад, он немедленно убивается на месте.

Преимущества, которые были в борьбе против нас у войск буржуазной контр-революции, те, что они были превосходно обеспечены всем необходимым и, разумеется, имели с технической стороны больше возможностей, чем мы. Кто привез эти легионы из-под Архангельска? Конечно, английский флот. У Юденича оказались танки. Кто привез эти танки? Англия. Кто управлял этими танками? Квалифицированные английские специалисты военного дела. Кто обстреливал из тяжелых орудий Красную Горку? Английские суда, мониторы, вооруженные 15-ти-дюймовой артиллерией — последнее слово морской артиллерийской техники, введенное только в 1916 году. Наши матросы отстаивали Красную Горку под этими страшными снарядами. У меня здесь под руками есть сообщение по радио о том, что Красная Горка должна быть взята сегодня или завтра, есть сообщение о том, что Кронштадт пал под ударами с английских мониторов. Они думали, что наши моряки не выдержат обстрела 15-ти дюймовой артиллерии, но наши матросы выдержали, и Красная Горка и Кронштадт крепче в наших руках, чем когда бы то ни было.

Повторяю, они подготовлялись к этому походу, они ждали его, они жаждали этого решающего момента. В первых числах октября, еще до удара Юденича на Ямбург, одна из буржуазных английских газет писала, что на-днях *предстоит* наступление Юденича на Петербург, которое будет решающим—это до нас тогда не дошло, мы получили газету с запозданием. Разумеется, эта английская газета выдавала военную тайну, но им так не терпится обещать, предсказать ниспровержение

Советской власти, что они делают это даже с нарушением собственных военных интересов. Английские империалисты типа Черчилля слишком связали свою судьбу с судьбой интервенции и на Черчилля напирает отчаявшаяся буржуазия, говоря: ты ухлопал на походы русской буржуазии два с лишком миллиарда франков—это чисто военные расходы английского империализма—и эти расходы ничего не дали, кроме укрепления военной мощи русской красной армии. Он, Черчилль, отвечал: „погодите еще, вот неделю, две недели, три недели, и генерал Юденич сделает то, что не сделал обманувший нас Колчак и чего не доделал Деникин. Он возьмет Петербург, и там в Петербурге он первым делом начнет формировать могущественную армию для наступления в глубь России. Об этом плане говорит шведская газета до начала похода: решающий краткий удар на Петербург, захват Петербурга, обеспечение базы, формирование и затем удар из Петербурга на Москву. Все было тщательно подготовлено. Правда, Англия хотела, чтобы удар шел одновременно с двух сторон, со стороны Эстонии и со стороны Финляндии. И в течение октября вся английская печать науськивала Финляндию, например, английская газета „Таймс“ писала в своей передовой статье о „нравственном долге“ Финляндии участвовать в разбойничьем походе, о том, что это поднимет ее международный авторитет. Эта могущественная Англия, в руках у которой все милости и все кары, она применила всю силу материальных угроз и посулов для того, чтобы вовлечь Финляндию в авантюру на помощь Юденичу. Финляндия колебалась и шаталась все это время, она не решилась до сих пор, и разгадку этой нерешительности мы находим в финской буржуазной прессе. Здесь

у меня есть интереснейшее свидетельство о росте и возрождении коммунистического движения Финляндии. Вот что говорит газета „Кариала“: „До последних месяцев, говорит газета, большевистские газеты распространялись у нас подпольно, издания приходили из Петербурга, но за последние месяцы наша рабочая пресса взяла чисто большевистский тон. Есть целый ряд легальных изданий, которые прямо и открыто угрожают революцией в случае наступления на Советскую Россию!“ Вот, товарищи, важнейшее обстоятельство, которое связывало финскую буржуазию по рукам и ногам. Мы, правда, читали радио о том, что вопрос „решен“ и что генерал Маннергейм уже едет из Европы в Финляндию, и затем вдруг снова перемена. Генерал Маннергейм раздумал, финская погода вредно влияет на его подагру, он остается в Париже. (Смех). Так он и пребывает в Париже до настоящего момента. И то, что дал петербургский пролетариат и дала армия в эти критические дни, позволяет нам с полной уверенностью сказать, что и при наступлении Финляндии мы удержали бы Петербург. Теперь, после того, как Юденич отброшен, тем более наступление маннергеймцев нас не страшит. Но, разумеется, мы все глубоко заинтересованы в том, чтобы Финляндия не наступала. Те шаги, которые делала наша Советская дипломатия, конечно, диктовались реальными интересами и реальными соображениями, а не симпатиями к финляндской буржуазии. Никогда мы на этот счет не вводили в заблуждение никого,—ни друзей, ни врагов. Но поскольку интересы финляндской буржуазии требуют, если вообще история еще обеспечит за ней известную эпоху существования,—интересы финляндской буржуазии, говорю, требуют, чтобы страна, которая рас-

стилается в расстоянии одного или двух переходов от такого важнейшего центра нашей страны, как Петербург, чтобы эта страна в лице своих правящих буржуазных классов сказала себе, что она не просунет своей головы в ту щель, куда ее пихает англо-французский империализм, ибо ясно для самого тупоголового выборгского мещанина, что мы не можем жить год за годом под постоянной угрозой того, не решится ли генерал Маннергейм или кто другой „взять“ у нас Петербург. Поскольку Финляндия самостоятельна, а мы открыто и честно, без задней мысли, ее самостоятельность признали,—постольку за эту самостоятельность, за ее существование, как страны, несет прямую ответственность стоящая сейчас у власти финляндская буржуазия. И мы, считаясь с тем, что история прокладывает свои ходы и в Финляндии, делаем свое собственное дело внутри нашей страны, и финский пролетариат не требует и не потребует от нас вооруженного вмешательства, ибо понимает, что такое вмешательство принесло бы только вред делу финляндской революции в настоящую эпоху. Вот чем объясняется возможность *мирных* отношений, мирного сосуществования между нами и Финляндией. Но, с другой стороны, повторяем, город, в котором сейчас еще есть не один десяток тысяч работников и работниц, город, который ослаблялся, обескровливался, но остается попрежнему превосходнейшим очагом революционной энергии, этот город не может жить под Дамокловым мечом наступления со стороны Финляндии, и если бы чаша весов склонилась в сторону вмешательства финляндской буржуазии, чего мы не хотим,—то мы на этот раз сказали бы себе, что дело нужно доделать до конца

Итак, Юденич выбит даже из своего Гдова... а ведь счастье казалось так возможно и так близко. Министр Юденича, петербургский адвокат Маргулиес, министр снабжения и продовольствия бывшего Гдовского государства, в Финляндии заготовил все, вплоть до стеариновых свечей, для почти завоеванного Петербурга. Они торговались там по счетам с. финляндскими поставщиками от имени разных правительственных учреждений Вопрос казался предрешенным. И надо сказать, что кой-какие шансы у этих господ были. Наша армия откатилась до Пулковской высоты—в расстоянии однодневного нашего перехода от Петербурга. С Пулковской высоты он открывается как на ладони, ночью он кажется морем огня—даже теперь при недостатке освещения он представляет ночью большое и привлекательное световое пятно. Детское Село, которое называлось Царским Селом, и одним своим именем привлекало всю международную буржуазию. „Деникин уже в Царском Селе!“ Там стоял ранее наш мощный радиотелеграф, разумеется, снятый нами заблаговременно,—и каждый мелкий мещанин, каждый лавочник Парижа знает, что Царское Село—летняя резиденция царя, почти Петербург,—и вот в этом Царском Селе Юденич и Родзянко! Какая победа! Рассказывают, что генерал Родзянко прибыл 20 числа в Царское Село и, когда ему предложили в бинокль посмотреть на Петербург, сказал: „не надо, завтра - послезавтра будем гулять по Невскому и без бинокля увидим“. Теперь ему нужны сильные увеличительные стекла, товарищи. (Аплодисменты).

Чем объясняется наш откат? Он объясняется целым рядом причин. Война, товарищи,—это ясно для нас всех, которые на нее посмотрели поближе,

а кто из нас не видел ее теперь более или менее ближе?—война не столько процесс материальный, сколько психический процесс. В этом отношении положение нашей 7 армии сложилось крайне неблагоприятно. Юденич скрывал свой хвост в Эстонии и в Финляндии, а главной базой его были Британские острова. Мы против Финляндии не воюем, против Эстляндии не воюем,—наоборот, мы вели переговоры с этими странами. Эстляндия будто бы крайне интересовалась мирными переговорами с нами. Кто кого там обманывал, или они совместно и сознательно пытались обмануть Россию, чтобы обеспечить успех наступления Юденича, этого сразу не разберешь, потому что в мелкобуржуазной политике эстонских правителей страшно трудно понять, где их обманывают, а где они обманывают, но факт таков, что эти переговоры, положительного значения которых никто из нас не может отрицать, ибо они оказывают свое влияние на эстонское население, показывая ему на деле, что мы насилия над Эстляндией не хотим,—эти переговоры воспринимались однако солдатами нашей 7 армии так, что дело закончено. Одни говорили, надо нас перебросить на Южный фронт. Другие просто отдыхали, внимание притуплялось,—не думали, что грозит такой удар. Я уже упомянул, что мы из 7-й армии взяли целый ряд работников и комиссаров на Южный фронт. И вот это состояние армии выжидательное, вялое, не напряженное,—с фронтом, упирающимся в Эстляндию и в Финляндию, с которыми мы не воюем,—и придало известную рыхлость армии и этим дало возможность Юденичу воспользоваться положением и применить с большим успехом новые механические орудия—танки. И здесь опять танки не сами по себе страшны. Танки в конце концов дей-

ствуют только пулеметами и орудиями, и в полевой войне их значение не велико, но самая форма их, способ передвигаться, ореол, которым окружены эти танки, произвели сразу большое впечатление на наших солдат, вызывая нередко настоящую панику. Новое техническое средство, танки, умелый командный состав, офицер на каждое звено, особенно в баталионах „светлейшего князя“ Ливена, в лучших ударных частях,—и все это при выжидательной расслабленности у нас—вот общие предпосылки этого похода, который дал основание контр-революции утверждать, что она войдет в Петербург не позже конца октября—начала ноября. Однако, они не учли того морального фактора, которым располагаст наша армия в лице передовых рабочих, в лице коммунистов, нашей великой способности мобилизовать дух армии, поднять и напречь ее волю в короткий срок.

Такой способности не имеет,—это мы можем сказать с уверенностью,—ни одна армия в мире. У нас есть много недостатков и недохваток, и мы стараемся их устранить. Мы теперь соорудили даже и танки, которые действовали против Юденича и действовали с большим успехом. Это произвело громадное впечатление на нашу красную армию. Наши красноармейцы с радостью говорили: „у нас есть теперь своя Танька на фронте“. Но все же у нас очень много своих технических прорех, и бывают случаи, когда нам то там, то здесь приходится эти прорехи затыкать мочалкой. Но зато у нас есть наш незаменимый, надежный, необманный аппарат пролетариев коммунистов Наших коммунистов—командиров и комиссаров—не могут заменить Юденичу те офицеры, которых так много в главных его частях. Эти офицеры, конечно, способны на героизм. Там было не мало

истреблено их, таких офицеров Юденича, в жестоких боях,—но это все же представители мелкобуржуазной интеллигенции: они способны на порыв, легко окрыляются при успехе, но после первой же неудачи падают духом. Совсем другое дело московские и петербургские пролетарии: чем их больше бьют удары судьбы, тем они делаются крепче. (Аплодисменты). Теперь мы это проверили снова. Каждый раз, когда такое испытание взваливается на нашу сторону, мы снова и снова убеждаемся в крепости пролетариата. Глядите на Петербург... Сколько мы выкачали работников из Петербурга, сколько их погибло на всех фронтах, но тем не менее Питер выдвинул новые тысячи в час опасности, которые не дали врагу опрокинуть себя. Задачу обороны Петербурга мы разделили на 3 части: противник находился под Пулковскими высотами, там боролась полевая армия, она, откатившись, пришла в небоеспособное состояние, и ее нужно было укрепить, перегруппировать, закалить. Но с другой стороны, если бы полевая армия сдала все же свои позиции и Юденич ворвался бы в Петербург, то мы решили весь Петербург превратить в один боевой лагерь, где каждый район, каждый сектор пришлось бы брать с боя. Петербургских работников разделили на две группы. Одни были привлечены на линию боя восстановлять части 7 армии, а другим было сказано: укрепляйте город, стройте окопы, создавайте дружины, собирайте пулеметчиков, гранатчиков, создавайте отряды, находите подходящие дома, устанавливайте там посты, занимайте подвалы, снабжайте работников или работниц оружием и гранатами, пусть они встретят достойно врага, если бы тот прорвался на несколько часов. В течение нескольких дней мы разделили город на районы, разделили районы

на отсеки, организовали и распределили дружины, произвели необходимые укрепления, — и если бы белым пришлось ворваться в Петербург, то им пришлось бы грызть зубами каждый квартал, каждый сектор, каждый район. Если бы боевая армия и отступала, то это не значило бы, что Петербург сдан. Это значило бы только, что борьба переносится на улицы Петербурга, и здесь, на улицах Петербурга—мы не сомневались в этом—мы истребили бы армию Юденича до конца. Но до этого дело не дошло. Взятие Детского Села и Павловска было последним успехом Юденича. 21-го наступление его задержалось. 22-го мы перешли в наступление. 23-го мы взяли Детское и Павловск. Через несколько дней Красное. Уже взятие 2—3 первых деревень нами имело решающее значение. Оно показало, что 7 армия возродилась, что в ней появилась упругость и цепкость, что в ней нет того безволия, которое появилось, когда она была неожиданно отброшена от Ямбурга и отступала назад. Задача наша состояла в том, чтобы добиться перелома настроения. Гатчина была взята противником путем искусного ночного налета. Ничтожная часть, может быть одна рота,—это еще не выяснено,—пробралась в парк и открыла ночью стрельбу и этим создала панику. Искусством квалифицированных партизан враг использовал эффект неожиданности. Одна рота произвела величайшее замешательство... Надо было во что бы то ни стало заставить наши части встряхнуться, нужно было каждого солдата заставить понять, что враг слаб, а мы сильны, надо было показать красным белых, нужно было вдохнуть уверенность в своей силе в каждого члена армии,—и это произвел петербургский и московский рабочий. Нужно было показать, что танки это не больше, как железный

ящик, в котором сидят несколько человек, вооруженных всеми теми средствами, которыми вооружены обыкновенные пулеметчики и артиллеристы, и в этом нам могли помочь только живые силы, вновь прибывшие из Москвы и Петербурга, которые, появившись, сделали сразу свое огромное дело. А когда они взяли две-три первые деревеньки, то вопрос был решен, потому что нас было больше, а вооружены мы были весьма недурно и хотели сокрушить врага.

Перелома мы добились. Через несколько дней уже из среды противника появились пленные, даже перебежчики,—а в дни нашего отступления их не было, именно потому, что 7 армия непрерывно отступала. Перелом совершился. Этот факт, товарищи, нам доводилось наблюдать не раз на наших фронтах, когда та или другая наша армия, импровизированная, то-есть в короткий срок более или менее самодельным путем созданная, мало сколоченная, когда она теряет как будто свое боевое отличие, теряет самообладание — именно в силу того, что ей не хватает сноровки, выучки, не хватает иногда надлежащего командного состава,— она как будто расшатывается, почва из-под ног ее уплывает, но в эту армию достаточно влить только известное количество мужественных пролетариев, которые твердо сговариваются: погибнуть, но не отступать, и перелом наступает. Это тот новый фактор войны, которого не знали старые армии империализма и которого до сих пор не поняла английская биржа — этот новый наш собственный революционный танк, — московский и питерский пролетарий, делает чудеса. (Аплод.). Этот танк преодолевает все затруднения. Нужно только, чтобы он ясно понял, что *опасность велика*. В этом вся суть. Когда, товарищи, у нас бывают

неустойки на фронте, питерский и московский рабочие говорят о себе иной раз: „Ничего, справятся, не раз там справлялись“... И выходит нередко беда, но когда он сам понимает, что опасность велика, что опасность непосредственна, тогда он всегда найдет где-то под спудом у себя неизрасходованные силы, и эти силы оказываются каждый раз больше, чем все те силы, которые он расходовал предшествующий раз. И эта борьба под Петербургом имела для нас значение двойное: с одной стороны, биржа поставила на карту Юденича большую ставку, она обязалась, что это наступление будет иметь решающий характер,— сперва Питер, а потом Москва. Стало быть, не отдать Петербурга, значило ударить крепко по европейской бирже, значило скомпрометировать ее, представить ее в смешном, жалком виде, перед широкими рабочими массами Европы и Америки, с другой стороны, вопрос о Петербурге имел характер внутреннего испытания, внутренней пробы. Есть ли еще порох в пороховницах русской революции и, в частности, у петербургского пролетариата после того, как мы этот революционный порох расходовали нещадно? Оказалось, что есть, что Петербург способен за себя постоять.

Тот факт, что мы Петербурга не сдали, имеет огромное значение для отношения к нам европейского пролетариата и, рикошетом, для отношения к нам европейской буржуазии.

Европейский пролетариат не начинает своей революции именно потому, что европейская буржуазия представляет собой силу покрупнее нашей буржуазии. Есть известная инерция, косность классовых отношений, которая затрудняет старому рабочему классу поднять восстание против старой

могущественной буржуазии. Пролетариат Европы идет к этому, но более медленным путем. Это его буржуазия, пользуясь медленным развитием революции, борется с нами при помощи всех тех орудий и средств, которые она способна привести в движение. Правда, Англия на нашу территорию не бросала своих дивизий, а только свои 15-тидюймовые снаряды. Почему не бросала?—потому, что уже не может. Но если не могла, то тем более не сможет дальше бороться против английского рабочего. Лондонские пролетарии, которые угрожали буржуазии всеобщей стачкой в случае продолжения войны с Россией, эти английские рабочие, которые с осторожностью, с опаской спрашивают себя, будут ли они сильны поднять открытую борьбу против английской биржи, они скажут теперь этой бирже: „Что же, ты открыла борьбу против Петербурга, против России, обещала Балтийское море поджечь. Обещала взять Красный Петербург, но не взяла. Как был Петербург городом пролетарским, таким и остался". Вот что скажет английский рабочий. И чем больше мировая пресса поднимала интерес к вопросу о взятии Петербурга, тем сильнее, тем жесточе будет скомпрометирован мировой империализм в сознании мирового пролетариата, не только с моральной стороны (тут уже давно кредита нет), но и со стороны реальной военной силы. А что интерес к вопросу о судьбе Петербурга был в высокой степени напряженным, мы видим из той же буржуазной печати. Шведская газета прямо пишет: „Мировая неделя Петербургской лихорадки". Взять Петербург,—писали буржуазные газетчики,—значит открыть новую главу в мировой истории. Стало быть, под Пулковскими высотами, где мы боролись с Юденичем, там в этих небольших сравнительно

1063143

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

армиях, были представлены два отряда, во имя двух величайших мировых сил: с одной стороны—мировая буржуазия, которая дала все, что могла дать в данный момент против нас; с другой стороны—европейский пролетариат, который в этот момент не мог дать ничего, кроме своих пламенных симпатий, ибо моря, пароходы, кабели и радио еще не в его руках. Эта борьба получила, следовательно, не только материальный, но и символический характер. Это была проба сил мировой революции и мировой буржуазии. Это произошло как раз накануне второго юбилея Советской власти. Как будто история попыталась ко дню нашего праздника испытать с одной стороны нас, с другой—мировую биржу, этак пощупать, покачать обе стороны, крепко ли стоят на ногах. В боях под Петербургом Советская власть показала, что стоит на ногах крепко и несокрушимо. Поэтому петербургские бои получают огромное принципиальное и агитационное значение, которое скажется в ближайшие недели и месяцы.

Это не значит, что задача решена—нет, она не решена еще даже и на Петербургском фронте, она в основе своей решена, пожалуй, только на Восточном фронте—там противник разбит, и там вся задача состоит в том, чтобы пожирать пространства, эти необъятные пространства до Тихого океана—там нужно организовать и укреплять Советскую власть—это уже задача на девять десятых не военная. На юге военная задача не решена. Не решена она еще и на северо-западе. Петербург вне опасности, это—несомненно, враг надломлен, однако не сломлен еще, он отступает, но еще не бежит и, во всяком случае, еще не раздавлен. Эта задача должна быть нами выполнена, и армия Юденича должна быть раздавлена.

Войска с Петербургского фронта должны быть как можно скорее освобождены для других задач, прежде всего на Южном фронте, где перелом произошел вполне, но где нужно сосредоточить в ближайшие недели максимум сил, максимум воли и творческой энергии, ибо, как показал нам пример 7 армии, горе нам, когда мы после крупных успехов позволяем нашей организации замирать, распускаться, расшатываться. Нам приходится потом путем невероятных усилий и многих лишних жертв наверстывать то, что мы теряем при отсутствии выдержки. К счастью, опыт, чем дальше, тем больше, нас закаляет и делает более упорными и систематичными в работе.

Нет никакого сомнения после всего того, что мы пережили на наших фронтах, что нашу военную задачу мы разрешим вполне победоносно. У нас, товарищи, в нашей молодой армии, уже есть превосходные кадры, есть борцы, подобных которым мы не много найдем в мировой истории. Если мы, товарищи, открыто говорим об наших недочетах и промахах, о случаях паники, то я считаю, что мы имеем право и обязаны сказать о том героизме, о том из ряда вон выходящем подъеме, который наблюдался на Петербургском фронте. Читайте деникинские сводки, их заявления в печати, где они говорят о том, что наши красноармейцы, наши курсанты, наши коммунисты дерутся, как они выражались, с безумной страстностью. И это верно. Там, где на небольших участках у врага на семь человек один офицер, где третья часть вооружена автоматическими оружиями, где танки и автомобили и где не теряют патронов зря, где стреляют только по живой силе, там с нашей стороны было меньше сноровки и встречались недочеты, но они с избытком воспол-

нялись энтузиазмом и героизмом. Белые утверждали, что у нас больше жертв, чем у них, хотя они признаются, что жертв много и у них. Верно это или нет, проверить трудно. Но факт тот, что наша седьмая армия нанесла врагу непоправимый удар. Там было много жертв. Я видел там на деле молодых рабочих и крестьян, московских и питерских курсантов. Какие борцы! Полки, прибывшие с Восточного фронта, латышский полк—какие герои! Они бросались на танки с револьвером в руке. Ротный командир латышского полка вскочил на танк с криком: „танк наш".—Это все факты, которые Юденич называет фактами героического безумия. Я верю, что при такой армии третий год Советской власти будет годом полного сокрушения наших врагов и твердого мира, обеспеченного вооруженной рукой пролетариата. (Аплодисменты).

Да, я верю, что третий год будет годом мира, к которому мы так стремимся, который нам так нужен. Мы не ищем победы для победы, мы воюем потому, что нас вынуждают воевать. Мы хотим мирного хозяйственного строительства, развития и расцвета культуры. В навязанной нам войне мы видим страшную помеху нашим самым великим и святым задачам. Первый день мира принесет нам демобилизацию армии, вернет в наши ряды многие сотни тысяч пролетариев и крестьян, которых советская страна дала армии для защиты независимости и свободы трудовой республики. Они все вернутся, но они вернутся не вполне теми, какие ушли, они вернутся измененными, и в лучшую, а не в худшую сторону. То, что они там пережили, то напряжение оставит в их душах глубокие рубцы и даст их воле новый стальной закал. Этих наших курсантов и красноармейцев, куда бы их ни по-

ставили в дальнейшем, они свою работу выполнят. Мы им говорим: „враг—Юденич, разбей“, они его бьют. Завтра, когда разобьем Юденича и Деникина и вы вернете своих бойцов к себе в тыл и скажете, враг—это холод, голод, разруха в стране,—разбей его!—и тогда вся эта энергия, тот энтузиазм, то самоотвержение, которое скопили в красной армии, все это пойдет на службу мирному труду, на благо нашим изголодавшимся рабочим, работницам, матерям и детям. И мы станем тогда подлинно непобедимыми, мы залечим раны нашей страны, мы обеспечим ей мир, довольствие, свободное развитие и станем свободной страной в ряду других счастливых стран. (Аплодисменты).

Л063143

БИБЛ[illegible]КА
Ин-та марк[illegible]
при ЦК [illegible]

КАТАЛОГ КНИГ

Петербургского Отделения Государственного Издательства.

Петербург, Невский, 28.

	Р.	К.
Алексеев и Варлен. Две речи		70
Арну. Мертвецы коммуны		45
Его-же. Народная история Парижской Коммуны		—
Афиногенов, Н. (Степной). Записки ополченца. Разошлось	1	25
Бакс. Парижская коммуна	1	75
Барбюс. В огне. Дневник полувзвода. Пер. Арденина. 1-е и 2-е издания разошлись. Печ. 3-е изд.	30	—
Басов-Верхоянцев. Венок. Сказки	5	—
Бебель, А. Из моей жизни. Мемуары, т. I и т. II ч. I по	7	50
Его-же. Христианство и социализм	—	50
Богданов. Красная звезда	5	20
Браке. Долой социал-демократов	1	—
Брусянин. В борьбе за труд	3	—
Бухарин. Программа коммунистов	1	75
Его-же. Долой международных разбойников. Разошлось. Печ. 2-е изд.	—	40
Его-же. Классовая борьба и революция в России	1	80
Быстрянский. Империализм	—	35
Его-же. Империалистическая Англия против социалистической России	—	40
Вандервельде. Социализм и искусство	—	90
Ватин. Что такое коммуна?	—	20
Вейтлинг. Человечество, коково оно есть и каким должно быть	—	85
Венок коммунаров, Сборн. памяти В. Володарского, с рис.	4	—
В—ик, Л. Уголок немецкой оккупации	—	50
Войнич, В. Овод. Роман. Пер. с английского З. Венгеровой	4	50
Володарский, В. Напутственная речь агитаторам. 3-е издание	—	50
Волховский. Сказание о царе Симеоне	1	25
Враги ли евреи рабочим и крестьянам. Разошлось. Печ. 2-е изд.	—	65
Гайк-Ад-янц. Крестьянский вопрос во Франции	—	55
Гауптман. Ткачи. Драма	3	—
Горичев. Таблица исчисления заработной платы от 150 до 1000 р. при 6 и 8 час. рабочем дне	5	—
Горлов, Н. Темные силы, война и погромы	—	40
Горький, Максим. Макар Чудра. С иллюстрац.	1	—
Его-же. Челкаш	1	50
Его-же. Двадцать шесть и одна	1	50
Его-же. Дед Архип и Ленька	1	10
Его-же. Емельян Пиляй	1	20
Его-же. Дело с застежками	—	80
Его-же. На плотах	1	30

	Р.	К.
Горький, Максим. Мальва	1	80
Его-же. Коновалов	2	60
Его-же. Тюрьма	2	25
Его-же. Проходимец	2	—
Его-же. Скуки ради	1	40
Его-же. Васька Красный	2	50
Его-же. Кирилка	1	30
Его-же. О евреях	1	10
Его-же. Как я учился	—	90
Декав. Фленго. Рассказ из времен коммуны 1871 г.	—	25
Декреты о суде	1	50
Демьян Бедный. Земля обетованная	1	20
Его-же. В огненном кольце	1	50
Его-же. Басни. С иллюстр.	4	50
Дитцген. Религия соц.-демократии	3	50
Евреи, классовая борьба и погромы	—	40
Жорес. Мир и пролетариат	—	45
Закон о лесах Российской Фед. Сов. Республики	—	30
Зиновьев, Г. Корни оборончества. Разошлось. Печ. 2-е изд.	1	10
Его-же. Наше положение и задачи создания красной армии	—	25
Его-же. Австрия и война	1	80
Его-же. Из истории пролетарского праздника 1 мая	—	30
Его-же. Г. В. Плеханов. Вместо речи на могиле	—	45
Его-же. Хлеб, мир и партии	—	70
Его-же. Рабочие партии и профессиональн. союзы	2	25
Его-же. Речь о создании красной армии. 2-е изд.	—	25
Его-же. Социализм и война	1	10
Его-же. Н. Ленин, жизнь и деятельность	2	—
Его-же. Письмо к крестьянам	—	50
Зиновьев, Г. Слово к красноармейцам	—	40
Его-же. Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс	—	35
Его-же. Что делать в деревне	—	70
Его-же. О мятеже левых эс-эров	—	60
Его-же. Война и кризис социализма	15	—
Его-же. Из истории нашей партии	1	10
Его-же. Франц Меринг	—	30
Зиновьев, Г. и Ленин, Н. Против течения. 2-е изд.	10	—
Зиновьев, Г. и Троцкий, Л. Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Речи, произн. на засед. Петр. Совета	2	—
Ионов, Илья. Алое поле. Стихотворения. 2-е изд.	1	50
Кампанэлла, Томас. Государство солнца. Утопия.	4	30
Карпинский, В. А. Мир или война	—	15
Катая, С. А. Террор буржуазии в Финляндии	3	50
Каутский, К. Наука, жизнь и этика	—	30
Его-же. К. Маркс и его историческое значение	1	25
Его-же. Экономическое учение К. Маркса. 2-е изд.	3	50
Его-же. Этика	2	25
Его-же. На другой день после социальной революции	—	75
Его-же. Классовые интересы	—	40
Его-же. Карл Маркс. Биографический очерк	—	45
Его-же. Томас Мор и его Утопия	12	—
Его-же. Ирландия	1	40

	Р.	К.
Каутский, К. Возникновение брака и семьи	2	25
Керженцев. Как вести собрание	1	40
Кий. Что такое социализм?	1	10
Его-же. Республика Советов. 4-е исправл. и дополн. издание	—	40
Его-же. От крестьянской общины к социалистической коммуне	—	35
Его-же. Сельская коммуна	—	40
Клюев, Н. Медный кит	2	40
Князев, В. Красные звоны и песни	2	50
Его-же. Красное евангелие.	1	20
Его-же. Песни красного звонаря	8	—
Коллонтай. Работница-мать	—	35
Конколь. Коммуна 71 г.	2	—
Конституция Советской Республики	—	40
Королькевич, Б. Е. Финансовые и экономические законы и мероприятия Германии против держав согласия за время нынешней войны	—	35
Лазар, Бернар. Антисемитизм и революция	—	70
Ларин, Ю. Крестьяне и рабочие в русской революции	—	40
Лассаль, Ф. Принципы труда в современном обществе.	—	60
Лафарг, П. Происхождение религиозных верований.	—	60
Его-же. Благотворительность и правовой труд	—	30
Его-же. Миф о непорочном зачатии	—	35
Его-же. Вера в Бога. Разошлось. Печатается 2-е изд.	—	75
Его-же. Тоги и капитал	7	50

	Р.	К.
Лафарг, П. Патриотизм буржуазии	1	1
Его-же. Право на леность	1	1
Ленин, Н. и Зиновьев, Г. Против течения. 2-е изд., с портретами	10	
Ленин. Доклад и заключительная речь на 3-м Всероссийском с'езде Советов	—	2
Его-же. Борьба за хлеб. Разошлось. Печатается 2-е изд.	—	4
Его-же. Пролетарская революция и ренегат Каутский	4	5
Его-же. Главные задачи наших дней	—	6
Его-же. Уроки революции.	—	4
Его же. Империализм, как новейший этап капитализма, (Популярный очерк).	4	5
Его-же. За 12 лет. Сборник статей.	20	
Либкнехт, В. Два мира	1	6
Его-же. Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений	1	3
Его-же. 1848 год и коммуна. 2-е изд.	2	
Его-же. Воспоминания о К. Марксе	2	
Либкнехт, Карл. Мой процесс по документам. С предисл. Зиновьева и портретом К. Либкнехта	12	
Лилин, З. Солдаты тыла. Женский труд до и после войны. Разошлось. Печатается 2-е изд.	2	
Ее-же. Что дала революция народу	—	
Литературный сборник, посвящен. памяти Г. В. Плеханова	3	

Библиотека Института Истории Партии З. К. П. (б.)

10
Ap.